

СОДЕРЖАНИЕ

CURRICULUM VITAE

5

ЭПОХА ПЕРЕМЕН. 1916

275

ЭПОХА ПЕРЕМЕН. 1917

491

Глава 1

СИРИЯ – АФГАНИСТАН – СИРИЯ

2019-й. Лето. Аэродром Хмеймим

Русского человека невозможно обмануть, он верит во всё. Потом, правда, огорчается матерно. Это в полной мере подтверждал стоящий рядом с АН-26М седой как лунь, но крепкий и рослый полковник с «пьяной змеёй» на погонах, витиевато и громогласно сообщая телефонному собеседнику, как называются люди, принимающие слишком вежливый отказ за робкое согласие. Полковнику пообещали, что сегодня он наконец-то улетит в Москву, но позже, как всегда в армии, нашлось более важное дело. О том, что назначен ответственным за него, полковник узнал вообще от третьих лиц и расстроился...

— Знаете что... Каждый труп на вершине Эвереста был когда-то целеустремлённым, высокомотивированным специалистом, стремящимся «проявить себя», «достичь большего», «повысить планку» и «перевыполнить на сто пятьдесят процентов». Короче, пусть ваш начальник идёт в задницу со своими призывами к срочной внеплановой работе «по старой памяти». Всё, у меня дембель! Отбой!

Крохотная «Нокия-105», сделав несколько кувыроков в воздухе, спланировала в руки второго пилота, скользнула по пальцам и складкам комбинезона, шлёпнулась неловко на пандус и почти сразу обиженно заверещала, жалуясь хозяину на такое грубое обращение. Лётчик подхватил многострадальное средство связи, прижал к уху и снова поднял глаза на сердитого медика.

— Товарищ полковник, вас Ежов! Срочно.

Офицер поморщился, как от зубной боли, но артачиться не стал, взял возвращённый мобильник и уже другим, домашним тоном устало произнёс:

— Да, Алексей... Да я уже половину столетия Григорий... Я-то как раз всех понимаю, а кто меня поймёт? Семьдесят шестой через полчаса улетает. Три часа — и я в Москве. А на этой тарахтелке мы четыре часа только до Гюмри будем чапать, и потом мне сидеть там у моря, ждать погоды... Ты же знаешь... Да понимаю я, что все врачи на выезде. Да, командир, конечно, сделаю. Знаешь, что тебе я отказать не могу. Что значит «в последний раз»? Ты выражения-то выбирай... Хорошо, приступаю немедленно...

Нажав на отбой, полковник мрачно посмотрел на замерший экипаж санавиации, ещё раз вздохнул и сварливо добавил:

— Ну, что стоим, кого ждём? Особые приглашения выдают в особом отделе. А у военно-полевой медицины всё должно быть на уровне интуиции. Раненых и больных разместить на борту, подготовить к транспортировке, жалобы-пожелания аккуратно выслушать и законспектировать, в работоспособности реанимационной аппаратуры убедиться и доложить. На всё тридцать минут, время прошло.

— Лежачих сразу по койкам? — пискнул покорённый командирской экспрессией фельдшер.

— А чего ждать? Каких-нибудь предварительных ухаживаний? Ресторан, цветы, шампанское? Запомни, сынок: в армии лучше что-то сделать один раз вовремя, чем два раза правильно. Поэтому давай — одна нога здесь, а вторая... тоже здесь... Ну, что ещё?

— Простите, товарищ полковник, а вы и есть тот самый Распутин?

Офицер запнулся, закатил глаза, но затем вдруг тряхнул головой и первый раз за всё время улыбнулся.

— Нет, сержант, тот самый умер больше ста лет назад. Погиб смертью храбрых на боевом посту. Я лишь бледная его копия. Но леща могу выписать настоящего, старорежимного, сермяжно-посконного, если попробуешь заменить ударный воинский труд светскими беседами с вышестоящим по званию.

Выдав ценные указания, полковник будто сдулся, снова помрачнел, не спеша добрел до обожжённой горячим южным солнцем травы и медленно опустился на тёплую землю, ворча про себя:

— Глупо ожидать, что кто-нибудь придёт и за тебя всё сделает. Пока не поймаешь, не заставишь, никто и пальцем не пошевельнёт...

На душе у полковника откровенно скребли кошки. Он ждал пенсии, будто манны небесной, как и многие, отслужившие положенный срок. А когда она пришла, вместе с очередным званием

и правительственною наградой, впервые почувствовал себя разведённым супругом при выходе из загса — радость свободы с очевидным похоронным привкусом.

«Что такое противоречивые чувства? — вертелся в голове бородатый анекдот во время дежурных поздравлений. — Это когда твоя тёща падает в бездну в твоей новой машине...»

И всё-таки какая улыбка фортуны! Как началась служба за границей, там же и заканчивается. А вот где родился — в стольном граде Москве, — там и не пригодился. Будто заговорённая, судьба-злодейка тащила его бренную тушку подальше от родных пенатов. А всему виной она, служба государева. Стартовала в далёком Афгане, финиширует в ещё более далёкой Сирии. Между двумя событиями — тридцать пять лет, а пролетели как пять секунд. И даже последний приказ — сопроводить и сдать коллегам на Большой земле госпитальную группу — похож на первый. Тогда тоже требовалось «сопроводить». Как будто вчера...

1985-й. Афганистан

С первым командиром полка Григорию, да и всему личному составу откровенно повезло. Классический «отец солдатам». Суров, но справедлив. Приказы осмыслиенные. Прежде чем наказать, разбирается и даже объясняет, за что даёт по шее. Но даже не это главное. Полкан Потапыч, как за глаза называл его постоянный и переменный личный состав, с первого дня в Афгане приказал отвечать огнём без согласования и соплей на любой выстрел со стороны душманов, огрызаться по-взрослому из всего, что стреляет. Благо боеприпасы позволяли.

«Духи», несмотря на все легенды, были в основном вменяемыми людьми из мяса и костей, без склонности к суициду. Они очень быстро сообразили, что с «этими отмороженными» лучше не закусываться, и, узнав по номерам на броне полк Бешеного, без стрельбы ретировались. Брали своё, нападая на части с командирами-перестраховщиками.

За бережное отношение к жизням подчинённых командира тихо обожали, прощая ему все тяготы и лишения воинской службы, им же организуемые. Одним из навязчивых состояний Потапыча была его повышенная тревожность и вытекающая из этого болезненная требовательность к боеготовности. Учебные тревоги и разнообразные вводные размножались в его штабе почкованием.

Кроме того, полковник был уверен: у советского солдата помимо основной специальности должно быть ещё несколько внештатных — для взаимозаменяемости. Любой старослужащий, если только он не дебил, в случае необходимости должен уметь принять на себя командование отделением или даже взводом, применить любой вид стрелкового оружия, оказаться раненому первую медицинскую помощь, сесть за руль «газона», «зилка» или за штурвал БМП.

Осваивали дополнительные специальности в свободное от основной службы время. Стон по этому поводу стоял великий. Недомогания и хроническую усталость командир лечил на вне-плановых учениях, бежалостно высаживая из машин опытных и знающих, объявляя молодым, что они единственные, кто остался в живых, и есть всего четверть часа, чтобы вернуть технику в парк. В противном случае они тоже погибнут и попадут в ад, где будут чистить попеременно картошку и сортир до следующих учений.

Позже, побегав под пулями, Распутин понял, что паранойя на войне не заболевание, а дар божий. Первыми погибают те, кто устал бояться. Круглосуточное ожидание от врагов какой-нибудь пакости — главное отличие хорошего солдата от мёртвого. Потерянное ощущение опасности — первый шаг на тот свет.

Но это придёт позже. А по первости Гриша страстно хотел, чтобы его просто оставили в покое, что никак не входило в планы отца-командира, желающего видеть вокруг себя универсальных солдат с фарой на голове¹. Санинструктор — не исключение! Строго в рамках этой парадигмы уже через месяц службы рядо-

¹ Имеется в виду старый армейский анекдот.

Воинская часть... Курилка. Сидят четыре лейтенанта. Один предлагает идти к командиру части проситься в отпуск. Встали, пошли.

Заходит к командиру первый:

— Товарищ полковник, лейтенант Пупкин. Разрешите в отпуск.

— Да ты чё! В отпуск, говоришь? Давай рацпредложение — и пойдёшь в отпуск!

— Легко! Вон у вас под окном солдат траву косит. Чё он косой в одну сторону машет? Давайте ему вторую косу привяжем, пусть косит налево и направо!

— Молодец! В отпуск!

Заходит второй.

— Давай рацпредложение...

— Легко! Вон у вас под окном солдат траву косит. Чё он косой туда-сюда машет? Давайте ему к косе привяжем вилы, пусть сразу в кучки складывает!

— Молодец! В отпуск!

Заходит третий.

— Давай рацпредложение...

вого Распутина выдернули из санчасти, где он успел освоиться и свить гнездо, обмундировали во всё чистое и откомандировали в распоряжение разведчиков — сопровождать группу на выходе, набираться ума-разума и, не дай бог, конечно, работать по основной специальности.

Командир разведвзвода лейтенант Алексей Ежов, вылитый артист Владимир Гуляев в годы фронтовой юности, несмотря на свои двадцать шесть, был человеком легендарным, одним из тех, кто требовал «Делай как я!», а не «Делай, как я сказал!». Своих в обиду не давал, вышестоящему начальству не сдавал, в пояс не кланялся, захребетников не уважал. Особист и замполит считали его фамилию матерным ругательством и с удовольствием прокатили мимо очередного звания. Ёж, казалось, на эти мелочи внимания не обращал, только шуточки его становились всё злее и опаснее, в первую очередь для него самого.

«Любым мнением можно пренебречь. А мнением некоторых пренебрегаешь с особым удовольствием», — зло сузив глаза, заявил Лёха Потапычу в ответ на отеческую просьбу не раздражать штабистов, получил от Полкана родительский подзатыльник и тяжкий вздох командира, внутренне согласного с разведчиком, но вынужденного заниматься политесом и как-то реагировать на истерики бумажных вояк.

У тех, кто занимался реальным делом, мнение было другое.

— Держись рядом с Ежовым и останешься цел, — напутствовал Распутина на первый выход начальник санчасти. — От него ни на шаг и слушаться как маму, даже если он со скалы прикажет

— Легко! Вон у вас под окном солдат траву косит. Чё он косой туда-сюда машет, траву в кучки складывает? Давайте к нему привяжем тележку, пусть сразу и отвозит!

— Молодец! В отпуск!

Заходит четвёртый:

— Давай рацпредложение...

— Не знаю.

— Ну-у-у... Так иди думай. Придумаешь — приходи!

Выходит лейтенант на крыльце, закуривает нервно, стоит, репу морщит. И тут подходит к нему этот солдат — с этой хреновиной в руках, с привязанной тележкой, весь потный, обессиленный, — и злобно так спрашивает у лейтенанта:

— Чё, товарищ лейтенант, в отпуск хотите?

— Да-а...

— И рацпредложение не можете придумать?

— Да-а...

— Фару мне на лоб, млять!!! Фару!!! Чтобы ночью косил!!!

прыгнуть. Ёж — удачливый и живучий, и его бойцы как заговорённые. Будто сам чёрт им ворожит, так что имей в виду... Всё! Удачи... И смотри там...

Именно спина Лёхи станет для Гриши Распутина путеводной звездой на всю долгую армейскую жизнь. Григорий покорил разведчика своим театральным умением на глазах изумлённой публики при минимуме реквизита перевоплощаться из пьяного стиляги в трезвую Бабу-ягу и обратно, умением правдоподобно изображать подпись начальства в ведомостях и командировочных, а также угрюмой настойчивостью при освоении незнакомых видов оружия.

А вот профессиональные навыки Григорию продемонстрировать, слава богу, долго не удавалось. Первую медицинскую помощь он offered не человеку, а полковой жучке, любимице всего личного состава, и с лёгкой руки Лёхи к нему намертво приклеилась кличка Айболит. Ёж подтрунивал над лекарем беззлобно, но непрерывно, хотя и учил основательно всему, что знал сам, а именно ста сорока способам перемещения противника в мир иной без вхождения с ним в непосредственное соприкосновение.

— Запомни, Айболит, — терпеливо втолковывал ему разведчик основы выживания спецназа, — чтобы вступить в рукопашный бой, боец должен профукать автомат, пистолет, нож, поясной ремень, лопатку, бронежилет, каску. Найти ровную площадку, на которой не валяется ни одного камня или палки. Найти на ней такого же разгильдяя и уже тогда вступить с ним в схватку!.. Во всех остальных случаях всегда есть подручные средства для дистанционного воздействия на супостата.

Можно было подумать, что Ежов вообще был принципиальный противник рукопашки, если бы эта сентенция не звучала после двухчасовой дрессировки противодействия вооружённому противнику без оружия. Мастерство Ёжика в этом искусстве завораживало, и Распутин тянулся к Лёхе со всей религиозной восторженностью падавана перед сенссеем. Опять же, командировщики с разведчиками в горы казались Григорию более интересными и нужными, чем лечение поноса и чирьев личного состава полка и окрестного населения, давно и уверенно протоптившего дорогу к военным медикам.

Последнего гражданского пациента Распутин спас от верной смерти перед самым дембелем. Пятилетняя дочка местного узбекского мафиози стащила у батяни старинную монету, спрятала во рту и подавилась. Айболит прибежал с плачущим отцом, когда па-

циентка уже вся посинела и отходила. Спасительный приём Хеймлиха закончился удачно, и на Грише с радостными причитаниями повисли все многочисленные родственники, а отец проказницы, выждав момент, подошёл к санинструктору и молча сунул Распутину номер московского телефона с предложением обращаться в любое время дня и ночи...

Григорий от нечего делать как-то легко и быстро выучил этот номер наизусть, даже не подозревая, какую грандиозную роль сыграет он в его будущей судьбе...

2019-й. Хмеймим

Полковник прикрыл глаза и шумно втянул носом горячий воздух, прислушиваясь к предполётной суете. Надо бы проверить лично, как там дела у обитателей лазарета... Сидячие — сидят. Лежачие — лежат. Всё штатно. Только что это за дикий взгляд у счастливого обладателя тельняшки?

— Эй, морячок, ты что, боишься летать? Это же не страшнее, чем плавать?

— Как же не страшнее? Плавать я умею, а летать ещё никогда не доводилось... — И дико вращает глазами.

— Это ты неправ: не все корабли причаливают к берегу, но зато все самолёты всегда возвращаются на землю...

«Так, этому — феназепам, пока не наделал бед...»

Этот отсутствующий взгляд и вылезающие из орбит глаза были хорошо знакомы Распутину ещё по Афганистану...

1987-й. Афганистан

Первое знакомство с Бамбуком — лейтенантом Бамбуровским — состоялось перед учебным выходом, когда экипажи уже рассаживались по машинам. Комбат подвёл к замыкающему БМП плотного низенького лейтенанта в полевой форме, представил и объявил:

— Вот вам новый командир, только что из училища. Присмотрите и присмотритесь...

Распутин тогда ещё не знал, что блуждающий взгляд лейтенанта означает крайнюю степень возбуждения, за которой следует неадекватное, на грани помешательства, восприятие окружающего

мира и непредсказуемые действия. Хотя что-то неладное в поведении Бамбуровского видно было сразу.

Чудеса начались, как только машина отстала и экипаж потерял визуальный контакт с колонной. Внутри бээмпэхи был слышен только командирский крик, заглушавший рёв двигателя. Бамбук отдавал приказы один дурнее другого, командиру по радио непрерывно сообщал об ордах басмачей, крутившихся вокруг боевой машины. Требовал от башнёра вести непрерывный огонь по врагам. Из БМП десанту конструктивно плохо виден окружающий мир, но наводчик-то в башне! Он орёт: «Куда стрелять?» В ответ — мат... В конце концов Бамбук выгнал из башни наводчика как предателя-мусульманина и будущего заключённого и сам сел на его место. С этой минуты пулемёт строчил не умолкая.

С трудом успокоив расстроенного до слёз наводчика, под грохот очередей Григорий задремал. Проснулся от тишины и резких ударов прикладом по броне. Выбравшись под солнце, обнаружил свою машину, стоящую в одиночестве на песчаной горе со слетевшими гусеницами, и визжащего лейтенанта. Дело обычное. БМП при поворотах боится песка, щебёнки и легко разувается. Надо было притормозить, а он приказал механику гнать. Кругом не было видно даже следов колонны, внизу дымила очагом маленькая сакля.

Высказав лейтенанту всё, что они думают о его командирских способностях, и обув машину, разведчики обнаружили своего Мальчиша-Кибальчиша бодро докладывающим по радио о вооружённом мятеже отделения и об обнаруженных сигнальных дымах врагов. Лейтенант уже не воспринимал короткие матерные слова Потапыча о немедленном возвращении. Григорий понял, что парня пора вязать.

Так он, спутанный ремнями, и приехал в расположение полка. Весь обратный путь пулемёт молчал, толпы пеших и конных врагов растворились, несостоявшийся герой-разведчик выл и грыз пуги, не забывая напоминать экипажу о скором расстреле.

В разведке есть святое правило: если разведчики отказываются воевать и служить с человеком, он вылетает из подразделения. Этот воин был просто опасен для себя и окружающих. Убыл из разведроты быстро, как и появился.

Григорий был уверен, что отправят лейтенанта от греха подальше в СССР, однако судьба распорядилась иначе. Бамбуровский осел в самом безопасном месте полка — в строевой части. Полковой писарь, интеллигентнейший ефрейтор из студентов-

неудачников, перемежая мат с «отнюдь» и «позвольте», жаловался Айболиту на свою службу с новым начальником.

— За что мне такой командир? Что и в какой жизни я натворил? Вся книга о Швейке в одном лице. Всех, включая коллег-офицеров, считает быдлом. Сам — белая кость, патриций. Разговаривает тихо, вежливо, на «вы»... Требует неукоснительного исполнения устава, обращение к нему только строевым и т. д. и т. п. На жаре он в ПШ¹, застёгнут на все крючки, перепоясан всеми ремнями. На всех собраниях и политинформациях агитирует с пеной у рта за коммунизм и при этом — фарцовщик конченый. Как это всё совмещается, не понимаю!

Бамбук, коротышка с красным мокрым лицом, действительно представлял собой пугающе-комичное зрелище. Целый день слонялся по территории, спрашивая у первогодков точное время. Если блеснувшие на солнце часы были не советского производства, немедленно конфисковал как вещь, имеющую подозрительное происхождение. Ещё он по вечерам любил ходить у палаток и техники, прислушиваясь к звукам музыки. Не надо, наверное, рассказывать, куда попадали обнаруженные приёмники и магнитофоны.

Очевидно, розничная коммерция настолько увлекла лейтенанта Бамбуровского, что вскоре он решил сделать свой бизнес многоотраслевым. Тем более что представилась реальная возможность. Некоторое время назад из Союза случайно привезли ящик учебных гранат — такие же, как настоящие, только чёрные. Каптёрщик пинал его из угла в угол: руки не доходили содержимое выкинуть, а ящик пустить на дрова.

А потом изобретательный Григорий предложил перекрасить их в привычный зелёный цвет и продать оптом на базаре. Сам Распутин вскоре отбыл в очередную командировку с разведкой, но посейянные им зёрна упали на благодатную почву и проросли. Бойцы провернули торговую операцию за рекордно короткий срок и ухочатались в курилке, представляя себе морду лица ведущего бой моджахеда с кольцом от «удачной» покупки в руке!

За этим делом их и поймал Бамбук. Вычислив суть и участников сделки, собрал главных фигурантов и объявил: «У вас два пути: или отстёгивать с каждой операции по тысяче афганей, или готовиться к встрече с особыстом и трибуналом, закрывающей как минимум путь в любой вуз на гражданке». Слово «рэкет» тог-

¹ ПШ — полушерстяная полевая форма.